

К 40-летию артистической деятельности Михаила Михайловича Климова

# Выдающийся мастер сцены

В. Маслик

Из сорока лет своей творческой жизни тридцать отданы Михаилом Михайловичем Малому театру, на сцене которого во всю мощь развернулся его замечательный талант.

Один из выдающихся представителей реалистической школы русского национального театра, блестящий мастер живой сценической речи, Климов является создателем целой галереи замечательных образов, глубоких по содержанию и острого по форме.

В какой бы роли вы ни смотрели Климова, вас всегда поражает необычайно глубокое слияние в одно гармоническое целое внешнего рисунка образа с его внутренним содержанием.

Создавая образ на основе широкого социального обобщения, Климов никогда не перегружает его второстепенными деталями. Всегда тонко разработанный внешний рисунок несет в себе лишь то необходимое, что определяет характер, раскрывает самую сущность образа: так в раскатыстом пустом смехе, в неповторимом полном пегольском легкомыслии жесте, с которым он разглаживает свои холщевые бакенбарды, — весь Городулин, вся сущность этого пустозвонного либерала из комедии Островского «На всякого мудреца довольно простоты».

Мягкая, вальсирующая походка, немного наивный взгляд, интонации обиженого большого ребенка полностью раскрывают перед зрителем бесхитростную фигуру Телятева, московского бонвивана, певца бешеных денег, всю жизнь с беспечной улыбкой порхающего от одного цветка удовольствия к другому, беззаботно проживающего достоящиеся ему по наследству состояния.

Грустная, апатичная фигура, тяжелей, словно оловом налитой взгляд, задебающаяся в моменты высшего напряжения речь и не улыбка, а какая-то страшная гримаса и — перед зрителем словно вырванный из жизни

и перенесенный на театральные подмостки обыватель Растеряевой улицы — Семен Иванович Толоконников.

Торопливая походка и жест, заискивающая улыбка перед сильными мира сего и полное пренебрежение к людям, стоящим на низших ступенях социальной лестницы; сановитость и барствость сегодняшнего дворянина, спокойно уживающаяся рядом с уютничеством вчерашнего Молчалина — таков в изображении Климова Павел Афанасьевич Фамусов, представитель московского служилого дворянства, — роль, в которой артисту удалось блестяще показать неумиряющие традиции великого Щепкина.

Когда смотришь Климова на сцене, то всегда по ассоциации вспоминаешь другого выдающегося мастера смежной с театром области искусства — Валентина Александровича Серова.

Обоим роднит одна черта, присущая их талантам.

Посмотрите портреты, написанные Серовым: какой-то, едва уловимый поворот головы, какой-то характерный, гениально удовлетворенный художником жест — и перед вами живой человек, во всей своей характерной неповторимости. Ничего лишнего, ничего случайного, отвлекающего от главной темы.

Так же, как Серов неповторим в каждой своей работе, так и Климов неповторим в каждом созданном им образе.

Телятев и Городулин настолько близки друг другу люди, что некоторое повторение одного в другом не могло бы быть поставлено в вину артисту. Но даже и здесь Климов находит такие краски, которые делают эти образы непохожими друг на друга. Жест, походка, говор Городулина не имеют ничего общего с жестом, походкой и говором Телятева.

Давая таким тонко зарисованные портреты, Климов не лишает их социально-общественной значимости, не снимает с них черт типичности. Его Телятев, Городулин, Толоконников, Фамусов, Шмецгер, Дудукин — люди определенной социальной прослойки, определенной эпохи.

И все это создано скупой, лаконичной, но яркой и социально острой по своей глубокой жизненной правде красочной гаммой.

Климов непревзойденный мастер эпизода. Три сцены Толоконникова в «Растеряевой улице» он делает центральными всего спектакля. Его Телятев и Городулин (у автора лица второго плана) становятся центральными действующими лицами комедии, — без них картина московского общества была бы неполной.

Климов силою своего таланта подымает эпизод до центральной линии спектакля.

Сорокалетие сценической деятельности застает Михаила Михайловича в расцвете его замечательного таланта, который еще не раз заставит пережить зрительный зал минуты незабываемого восторга.

# С чувством восхищения...

С. Межинский

Когда я думаю об актерах Малого театра, когда я в своей памяти перебираю их творческие биографии — сыгранные ими роли, — я с чувством особого восхищения представляю себе фигуру Михаила Михайловича Климова.

На какой бы роли, сыгранной Климовым, мы ни остановили своего внимания, мы всегда узнаем по ее исполнению вдумчивого, серьезного, полного обаяния и таланта художника.

Михаил Михайлович — это живой и радостный пример неуявляемой творческой молодости.

Образы, созданные Михаилом Михайловичем, всегда живые, манера исполнения благородная, ясная и простая. Есть чему учиться у нашего Михаила Михайловича.

Мы любим и ценим в Вас не только талантливейшего артиста советской сцены, но и хорошего, общительного товарища, с которым легко и приятно работать, с которым легко и приятно встретиться на досуге.

Долгие годы живите, дорогой Михаил Михайлович. Вы по праву и достоинству украшаете родной театр.

# Трогательная встреча

Автобус свернул в сторону и покотился по покрытой асфальтом улочке. Справа и слева виднелись огромные корпуса бывшего Путиловского, ныне трижды орденосного завода имени Кирова.

Михаил Михайлович Климов не отрываясь смотрел на грандиозную панораму одного из самых мощных заводов нашей страны.

— А скажите, Михаил Михайлович, — спросили мы, — вероятно, у вас и знакомые на заводе найдутся?

— Едва ли, сорок лет прошло с тех пор. Кто же узнает в этом великовозрастном муже прежнего конторщика?

Необыкновенно торжественно приняли своих шефов — артистов Малого театра — рабочие Кировского завода.

После концерта к Михаилу Михайловичу подошли его бывшие сослуживцы. Встреча была трогательная. Он горячо обнял своих старых друзей, не расставаясь с ними на банкете, который был дан в честь артистов.

Так состоялась встреча Михаила Михайловича Климова со своими сослуживцами, с которыми он расстался ровно 40 лет назад.

# Творческая молодость

С. Дурылин

...Говорят, дорогой Михаил Михайлович, что исполнилось 40 лет со дня Вашего сценического рождения, говорят, по паспорту Вы лет на двадцать еще постарше. Ничему этому я не верю. Вы — один из самых молодых актеров на свете. Ваш юмор светится золотой молодостью, Ваш смех — это сама юность, торжествующая над всем, что есть в жизни косного, ветхого, устарелого. Легкая улыбка или острая ушмешка Ваша над «бессмертной пошлостью людской» так остра и жизне-радостна, как бывает только у молодости, сознающей свою солнечную силу.

Правда, Вы играете людей не первой молодости, пожилых или скрывающих свою старость, но какие же это пожилые, какие же это старики! Вы так сдружились с неразлучным Вашим другом — Смехом (Гоголь правильно писал его имя с большой буквы), что, вводя его на сцену, Вы знакомите с ним всех Ваших «особ» и «стариков» — и Ивана Ивановича Городулина, и Ивана Петровича Телятева, и Артемия Филипповича Земляника, и даже самого Павла Афанасьевича Фамусова, — и все эти особы поражают нас своей свежей жизненностью, своей нестарой правдой.

Дорогой Михаил Михайлович! Вы вывели на сцену множество людей всякого чина и звания. Вероятно, Вы и сами счет потеряли всем этим людям. Но мы, ваши старые зрители, помним их доселе. Мы недавно познакомили нас с П. А. Фамусовым. Какое это приятное знакомство! «Вкус, батюшка, отменная манера» — барский вкус, московская манера, крепостная жестокость, помещичья ленца, — и чудесная речь, мягкая, слобная речь со старой Поварской, с после-пожарной Молчановки, — все это истинный подарок всем, кто дары искусства ценит выше всего на свете. Как благодарить Вас за это знакомство наше с П. А. Фамусовым? Но забыть ли из-за нового знакомства с Фамусовым старое знакомство с Репетиловым? Никак нельзя забыть! «Член английского клуба» — перед нами. Неудачливый жуир, либеральный болтун, в голове которого непрерывно раздается перезвон чужих мыслей и схваченных ла-дегу модных слов, — вот он, живой, как глупый, нелепый, как самое название: «английский клуб» без единого англичанина в сухопутной обломовской Москве. «Шумим, братец, шумим», «при разезде на крыльце», благодарим Вас за знакомство с этим милейшим пустозвонным грибоедовским Москвитин... Да разве перечислить всех «милейших», с кем Вы нас познакомили? Это была бы напрасная попытка, и я не стану ее делать.

Я только напомню Вам об одном обстоятельстве. Замечали ли Вы, что ко-



М. М. Климов в роли Печенегова («Враги»).

го бы Вы ни выводили на подмостки, не только таких «милейших» болтунов, как Репетилов или Городулин, но и таких, совсем не милейших, а, наоборот, подлецих субъектов, как Елисатов в «Любови Яровой», — там, на подмостках, вместе с ними присутствовало еще одно лицо?

Это Смех, «честное лицо», по аттестации Гоголя. Оно, это «честное лицо» стояло всегда за плечами Ваших Репетиловых, Земляника, Городулиных, Телятевых, Елисатовых, Шмецгеров и других, и это «честное лицо» изобличало нечестность, глупость, пошлость, подлость этих людей.

Вам, дорогой Михаил Михайлович, доступны все образы Смеха: от легкой, чуть-чуть грустной улыбки над нелепостью житейской, до глубокого сарказма, граничащего с негодованием над засильем подлости, заражающей жизнь и отравляющей человека.

...Говорят, Михаил Михайлович, что в Вашей театральной метрике проставлено, что Вам 40 лет. В это я полагательно не верю. Тут какая-то ошибка; дружески советую Вам озаботиться ее исправлением. Вам столько лет, сколько лет лучшему Вашему другу, «честному лицу», «Смеху». А он, как известно, вечно молод, вечно жизнерадостен. Ведь Вы лучше нас всех знаете, в чем главная задача деятельности этого «честного лица» — В утверждении жизни, в вытравлении из нее, помощью «злости, смеха и соли», всего ложного и пошлого, в борьбе за прекрасного человека на прекрасной земле.

Что участвует в этой борьбе, тот молод и полон сил. Это полностью относится к Вам, дорогой Михаил Михайлович. Мы счастливы и богаты Вашей творческой молодостью.



М. М. Климов в роли Земляника («Ревизор»).

# Актер яркой индивидуальности

Вл. Филиппов

Вот он — Масальский в «Дмитрии Самозванце»: четкая характеристика, прекрасный грим, певучая московская речь, но, главное, огромная скромность актера, ни где не напирającego, ни на миг не старающегося обратить внимание на себя, а стремящегося жить полной сценой сценической жизни, как и лучше, кто окружал его.

Вот он — лорд Горинг («Идеальный муж» — Уайльда) — изящный, прекрасно носящий фрак, с красочным юмором дуализирующийся словами — мастером диалога Климов всегда был — и чувствуется (как писал Эфрос), что он не только играет словами, но в них красивый след дум и переживаний сердца.

Вот он — неузнаваемо перевоплотившийся — играет исправника («Парь природы» Чирикова); сочными мазками создает он из этой эпизодической роли одну из запоминающихся фигур спектакля, в которой актер проявляет свое умение путем заостренной лешки зрительной стороны образа раскрыть типическое явление окружающей действительности (что у этого мастера и впоследствии всегда имело место).

И опять неузнаваемо перевоплотившийся «действительный статский советник» («Путаница» Беллева) и, несмотря на то, что пьеса воскрешает далекую старину, актер умеет дать в образе сатиру на современных ему сановников. Несколько раньше он в Аполлодоре («Цезарь и Клеопатра» Шоу), словно незагримированный, лишь звучащим словом создает образ эстета художника, воскрешающий времена Цезаря.

запоминающийся — жест, всюду мастер привлекает правдивостью и легкостью диалога.

Как всякое крупное явление, Климов вызывает споры. Старые актеры Малого театра обвиняют его в том, что он позволяет себе на сцене этого театра прибегать к различного вида толчкам, наклеякам, двойным подборкам, аплодисментской шее, а молодежь, быть может, чувствуя некоторую чрезмерность в увлечении актером внешностью образа, воспринимает ее, как



М. М. Климов в ролях (слева направо): Шмецгера («На берегу Невы») и Елисатова («Любовь Яровая»).



полемический задор, нарушающий традиции Малого театра, но воскрешающий заветы Ленского, правда, всегда иными приемами строившего внешний облик роли, но всегда «строившим» его и всегда стремившимся реформировать существующее.

В итоге первого сезона говорили, что Климов — «первоклассный актер», но тут же выражали сомнение в том, что в пьесах Островского (вне которых нельзя мыслить актера Малого театра) Климов вряд ли может выступать. В следующий же сезон актер блестяще доказывает обратное. Климов в Кудряше дает и подлинную речь Островского, и русская пьеса в его исполнении звучит так, словно настоящий волжский пареня распекает ее, образ яркое в бытовом отношении, сценически убедителен и — как всегда у Климова — жизненно правдив и типичен — образ настоящего театра Островского!

Как и всем, кто любит театр, мне дорог разнообразный и яркий талант Климова, который — я пытался это показать — уже в первом сезоне работы Михаила Михайловича в Малом театре проявился в присутствии ему блеске. Вместе с тем, как наблюдатель творческой жизни Климова, я знаю, что из года в год растет его мастерство, и каждый вправе ждать от Климова новых и замечательных созданий.

Хотелось поскорее увидеть его и в «Растеряевой улице» и в «Волках и овцах», хочется увидеть его создания в пьесах, изображающих современную нам жизнь и в ряде ролей классического репертуара, как, например, в Шпигельском, Подколесине, «Мнимом больном», хочется, наконец, пожелать этому замечательному актеру здоровья и сил для дальнейших творческих достижений.